

ТВОЁ ТЕЛО ПОМНИТ ТО,
ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ЗАБЫТЬ

НОГТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

А Д А

18+

Ада Будусова

Ногти

<https://litres.ru/74069383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Красота требует жертв. И она готова их приносить.

Ирина Власова — бортпроводник бизнес-класса, элегантная, утончённая, безупречная. В её чемодане — не только форма, но и инструменты для идеального убийства. Она собирает кровь и ногти невинных девушек, потому что страх делает их красивыми. Настоящими.

Её коллекция насчитывает десятки флаконов с тёмно-рубиновой жидкостью и капсул с аккуратными ногтями. Каждая жертва — произведение искусства. Каждое убийство — ритуал.

Но когда в деле появляется следователь Волошин, который начинает видеть закономерность, Ирина вынуждена залечь на дно. Однако однажды она встречает ту, ради которой готова нарушить все свои правила. И это становится началом конца.

«Ногти» — это жёсткий, эстетичный и психологически насыщенный триллер о женщине-маньяке, которая ищет красоту там, где другие видят только смерть.

Осторожно! Сцены насилия. 18+

Ада Будусова

Ногти

Глава 1. Белая ночь над Минском

1.

Тело нашли в субботу утром.

Рыбак на Слепянской водной системе заметил что-то светлое среди кувшинок — сначала

подумал, выброшенный манекен. Подошёл ближе. Увидел лицо. После этого он не

рыбачил, а на допросе в Следственном комитете повторил шесть раз: «Девочка совсем,

губы как у куклы, руки сложены, а пальцы... пальцы голые».

Ногтей не было. На всех десяти пальцах. Аккуратно, с корнем, но без разрезов на самих

пальцах — будто их выдернули щипцами, а потом обработали раны антисептиком. Эксперт

позже скажет: использовался стоматологический инструмент — элеватор. Анатомическая

точность выдавала человека с медицинским образованием или опытом препарирования.

Следователь Александр Волошин стоял на берегу, смотрел на труп и впервые за десять лет

службы чувствовал не злость, а странный холодный вос-

торг.

Он видел почерк.

Убийца — вероятно женщина. Он знал это по аккуратности, по отсутствию сексуального

насилия, по тому, как тело было уложено — не брошено, а именно уложено. Руки вдоль

туловища, кисти повернуты ладонями вверх — будто предложение. Пальцы без ногтей

выглядели неестественно гладкими, почти кукольными.

На шее — два маленьких прокола, почти незаметных, если не знать, куда смотреть. Кровь

была слита. Тело частично обескровлено, но без единой капли вокруг — скорей всего,

делала это в другом месте, потом привезла.

«Коллекционирует», — подумал Волошин. — «Собирает их кровь... и что-то ещё».

В кармане куртки завибрировал телефон. Сообщение от оперативника из Бреста:

«Получили ДНК с прошлого места. Она снова засветилась. Та же группа — четвёртая

положительная, 17 лет, пропала три дня назад из Гродно. У обеих нет ногтей. У обеих как

утверждают родственники, не было маникюра — натуральные».

Волошин перечитал последнюю фразу три раза.

Не было маникюра. Убийца выбирает девочек с натураль-

ными ногтями. Значит, она видит

в нарощенных, покрытых гелем ногтях что-то оскорбительное. Искусственность. Ложь. А

натуральные — чистые, невинные, настоящие — их можно забрать.

Он убрал телефон. Три жертвы за месяц. Беларусь, Россия, снова Беларусь. Девочки от 13

до 19 лет, все из благополучных семей, без маникюра, без татуировок — будто отобранные по каталогу.

Их не насиловали, не пытали подолгу. Убивали быстро. Почти милосердно.

И забирали ногти. Потому что ногти — последнее, что касалось мира. Последнее, что царапало воздух в агонии.

(Фрагмент воспоминания)

Ей было четырнадцать, когда она первый раз почувствовала это.

Отец Ирины, известный хирург-трансплантолог, в тот вечер оперировал. В доме гостила

двоюродная сестра матери — девушка восемнадцати лет. Она боялась отца. Боялась так,

что не могла спать. Ирина застала её на кухне ночью — та сидела на полу, обхватив колени, и беззвучно плакала.

— Почему ты боишься? — спросила Ирина.

Девушка подняла голову. И тогда это случилось. В её пальцах, сжимающих кружку, что-то дрожало — не чашка, а сами ногти. Короткие, некрасивые, без лака. Они стучали по керамике с частотой бешеного сердца.

Ирина смотрела на эти ногти и вдруг поняла: она хочет их. Не сломать, не отрезать — забрать. Потому что в этом стуке, в этой дрожи, в том, как девушка кусала губу и сжимала кружку так, что ногти белели, было что-то настоящее. Живое. Неподдельное.

Она не тронула кухню тогда. Но запомнила.

А через три года, в медицинском колледже на первом курсе анатомии, она взяла трупный материал впервые. И поняла: ноготь, отделённый от ложа, хранит форму пальца. Как маска. Как слепок последнего жеста.

---

4. (Фрагмент про морозильник)

Внутри дома, в подвале, за старой дубовой дверью, стоял морозильник. Не промышленный, а старый, советский «ЗИЛ», переделанный под особую температуру.

Внутри — двадцать семь флаконов с кровью. И отдельно, в бархатных мешочках и баночках наполненных формалином — ногти. Каждый в своей ма-

ленькой прозрачной капсуле, как образец в лаборатории. Подписаны: «Гродно, 17 л., четвёртая положительная. Ногти — короткие, форма овальная. Испуг — 8 из 10».

Ирина иногда достаёт капсулы, раскладывает на столе и смотрит на них через лупу. Ногти девушек, которые умерли в самый красивый момент своей жизни. Они уже не вырастут.

Они навсегда останутся такими — чистыми, натуральными, без геля, без лака, без этой пошлой искусственной красоты, которую Ирина ненавидела.

Она никогда не тронет женщину с маникюром. Это её принцип. Маникюр — ложь.

Накрашенные ногти прячут настоящий цвет, настоящую форму, настоящий страх. А ей нужно только настоящее.

Глава 2. Томатный сок и турбулентность

1.

Шереметьево встречало её привычным гулом.

Ирина Власова прошла предполётный контроль за двенадцать минут — ровно столько,

сколько нужно, чтобы сотрудник авиабезопасности успел улыбнуться ей дважды и один

раз спросить, не хочет ли она кофе. Она отказалась вежливо, как всегда. Форма сидела

идеально: тёмно-синий пиджак, шейный платок с логотипом авиакомпании, волосы

собраны в низкий пучок. Никаких украшений, кроме тонкого обручального кольца на

правой руке — хотя замужем она не была. Кольцо отпугивало ненужное внимание.

— Ирина Сергеевна, вы сегодня в бизнес? — спросила молодая стюардесса Аня, на ходу поправляя челку.

— Да. Аня, платок поправь, логотип должен быть ровно по центру.

Аня послушно одёрнула ткань. Ирина улыбнулась той мягкой, почти материнской улыбкой,

которой учила всех новеньких. Аня не знала, что три года назад другая стажёрка за такой

же неправильно завязанный платок получила выговор и уволилась через месяц. Аня не знала многого.

Выход на посадку объявили раньше графика. Рейс SU-2138 до Стамбула. Время в пути —

три часа двадцать минут. Ирина проверила список пассажиров бизнес-класса: двое

мужчин, женщина средних лет и одна девочка.

Девочке было тринадцать лет. Фамилия — Королёва.

Ирина запомнила её сразу. Не потому, что планировала. Просто привычка — сканировать

пассажиров на предмет возраста и рук. Руки девочки на паспортном контроле она ещё не видела, но возраст уже попал в нужный диапазон.

«Посмотрим», — подумала Ирина и пошла встречать первый ряд.

2.

Девочка села в кресло 2А — у окна. Худенькая, светлые волосы забраны в высокий хвост,

на коленях — рюкзак с брелочком в виде пуанты. Летит одна, билет куплен за три дня до

вылета, багажа нет — только ручная кладь.

Ирина подошла с предложением напитка.

— Что-нибудь ещё? Сок, газировка?

— Томатный, пожалуйста, — девочка подняла глаза.

Большие, серые, с длинными ресницами. И самое главное — руки. Ирина заметила их в ту же секунду.

Короткие ногти. Без лака. Без геля. Без всякого покрытия — просто чистые, аккуратно

подпиленные, розовые от природы. Такие ногти бывают у детей, которые ещё не начали

краситься. И у взрослых женщин, которые не видят в этом смысла. Но чаще всего — у

балерин. Потому что лак трескается, гель мешает, а длинные ногти травмоопасны.

Ирина налила томатный сок, поставила стакан на поднос,

улыбнулась.

— Ты одна летишь? Родители волнуются?

— К тётё, — девочка отхлебнула сок и чуть поморщилась

— слишком солёный. — Мама в командировке. А папы нет.

— Понятно. Как тебя зовут?

— Ася.

— Красивое имя. Ася, если что-нибудь понадобится — я

Ирина, я здесь. Просто нажми кнопку вызова.

Ася кивнула и отвернулась к окну. Самолёт начал руление.

Ирина отошла к сервисной зоне. Внутри не было ни возбуждения, ни спешки. Только

спокойное, почти научное любопытство. Ася Королёва подходила под все параметры:

возраст, внешность, отсутствие маникюра, лёгкая уязвимость (без отца, мать в

командировке). Ирина ещё не решила — возьмёт ли именно её. Но заметка в голове уже

легла.

Она достала телефон, включила авиарежим, открыла заметки. Там уже был список — не

жертв, а «впечатлений». Ирина называла это «каталогом возможностей».

Стамбул, февраль — девушка 18, бармен, ногти короткие

(работа), испуг будет низкий —
мимо.

Прага, январь — студентка 19, ногти натуральные, но кусанные — неэстетично.

Минск, декабрь — 16, спортсменка, ногти идеальные, взята.

Теперь новый пункт: Стамбул, апрель — Ася, 13, балет. Ногти короткие, чистые. Оценка: перспективно.

Она убрала телефон и вернулась в салон.

3.

Турбулентность началась через час.

Лёгкая, обычная для апреля над Чёрным морем. Пилот включил табло «Пристегните

ремни», Ирина с коллегой прошли по рядам, проверяя, всё ли в порядке. Ася сидела с

закрытыми глазами, но не спала — веки дрожали, пальцы вцепились в подлокотники.

— Боишься? — тихо спросила Ирина, наклоняясь к ней.

— Немного, — призналась Ася. — Меня всегда укачивает, когда трясёт.

— Смотри на горизонт. Или закрой глаза и представь, что ты на сцене. Там ведь тоже страшно?

Ася улыбнулась уголками губ — первый раз за полёт.

— Очень страшно. Особенно когда первое соло. Но после

того, как выходишь на поклон,
понимаешь: страх был красивым.

Ирина замерла на секунду.

«Страх был красивым», — повторила она про себя. Девочка сказала это случайно, не понимая глубины. А Ирина вдруг почувствовала то самое — щелчок внутри, как затвор фотоаппарата. Она не выбирала Асю. Ася выбрала себя сама.

— Ты права, — тихо сказала Ирина. — Страх бывает очень красивым. Я когда-то тоже так думала.

Она поправила плед на коленях девочки и пошла дальше по салону.

4.

Через два часа самолёт пошёл на снижение.

Ирина готовила салон к посадке, собирала стаканы, проверяла багажные полки. Когда она проходила мимо 2А, Ася спала — головой на плече соседки, женщины из Тель-Авива, которая не возражала. Руки девочки лежали поверх пледа, открытые, беззащитные.

Короткие розовые ногти. Идеальной формы.

Ирина смотрела на них три секунды. Потом отвернулась и закончила обход.

Она не возьмёт её сегодня. Не здесь. Самолёт — слишком

рискованно, камеры, свидетели,

турбулентность непредсказуема. Ирина никогда не убивала в самолёте. Это было бы глупо, а она не глупа.

Но Стамбул большой. Ася сказала, что пробудет здесь три дня. Остановилась у тётки в районе Бешикташ. Ходит на балетный мастер-класс каждый день с десяти до двенадцати.

Возвращается пешком через парк.

Всё это Ирина узнала за три минуты разговора — без единого прямого вопроса. Просто

улыбалась, слушала, запоминала. Ася сама рассказала.

Потому что Ирина умела слушать

так, как будто ей действительно не всё равно.

— Рейс SU-2138 прибывает в Стамбул. Температура за бортом плюс шестнадцать.

Самолёт коснулся взлётно-посадочной полосы. Ирина стояла в проходе, пристёгнутая к

своему креслу, и смотрела, как за иллюминатором проплывает турецкая земля.

Она думала об отце.

5.

Пять лет назад, когда Ирина окончила медицинский колледж с красным дипломом, отец

сказал ей только одну фразу:

— Ты могла бы стать лучшим хирургом из Власовых. Но

ты станешь никем. Как мать.

Она не ответила. Просто взяла свидетельство об окончании, положила в стол и на

следующий день подала заявку в авиационное училище бортпроводников.

Почему она не пошла в медицину? Все думали — бунт против отца-хирурга, желание

доказать, что она не обязана продолжать династию. Отчасти так и было. Но настоящая

причина была другой, и Ирина никогда не говорила её вслух.

Она не хотела лечить. Она хотела смотреть, как тело живёт, пока из него выходит жизнь. В

больнице это невозможно — там спасают, борются, пролевают. А в её работе... в её

работе люди умирают не от болезней. Они умирают от неё.

Стать врачом означало бы дать клятву Гиппократу. «Не навреди». Ирина не могла её дать.

Не потому, что была жестокой — она считала жестокостью ложь. А клятва врача была бы

ложью. Она знала себя уже в двадцать.

Стюардесса — идеальная маскировка. Каждый день мимо неё проходят сотни людей, и

каждый видит только улыбку, форму, безопасность. Никто не смотрит на её руки — а если

бы и посмотрели, не увидели бы скальпеля. Он лежал в

неброской косметичке, среди помад и теней. Стоматологический элеватор для ногтей — в отдельном кармашке, рядом с запасной заколкой.

Медицинские знания она использовала каждый день. Но не в операционной. В других местах.

В самолёте объявили посадку. Ирина отстегнула ремень, поправила платок и встала у выхода, чтобы попрощаться с пассажирами.

— Всего хорошего, приятного отдыха в Стамбуле.

Ася вышла последней из бизнес-класса. Маленькая, с рюкзаком на одном плече, сонная

после полёта. Она посмотрела на Ирину и вдруг сказала:

— Спасибо, вы очень добрая. Мама говорила, что стюардессы бывают злые, а вы нет.

Ирина наклонилась, поправила лямку рюкзака, коснулась пальцев девочки — коротких, розовых, беззащитных.

— Приятного отдыха, Ася.

Девочка улыбнулась и пошла к выходу в зону прилёта. Ирина смотрела ей вслед ровно

пять секунд. Потом достала телефон, отключила авиарежим и увидела сообщение от няни

Алисы: «Всё хорошо, она сделала уроки, спросила, когда мама вернётся».

Ирина написала ответ: «Через два дня. Поцелуй её».

Убрала телефон.

Достала косметичку, проверила элеватор. На месте.

Глава 3. Мать и коллекционер

1.

Отель «Пера Палас» пах старой кожей и розовым маслом.

Ирина сняла номер на четвёртом этаже, с видом на Золотой Рог. Она останавливалась

здесь всегда, когда прилетала в Стамбул. Не потому, что любила роскошь — просто здесь

работал консьержем пожилой грек, который никогда не задавал вопросов. Для него Ирина

была «русская леди, которая много путешествует и любит тишину».

Сегодня тишина была ей нужна как никогда.

Она разложила на туалетном столике содержимое чемодана. В отдельном отделении,

запакованные в вакуумные пакеты — стерильные перчатки, скальпель, стоматологический

элеватор (тот самый, для ногтей), пробирки для крови и три маленьких флакона из тёмного

стекла. Их она выдувала на заказ в Италии — каждый стоил как хорошее пальто. Но Ирина

считала, что красота требует жертв.

Рядом с инструментами лежала бархатная косметичка. В неё после убийства перекачуют

ногти Аси. Ирина уже выбрала для них капсулу — прозрачную, с серебряной крышечкой.

Такие используют в лабораториях для образцов. Но у Ирины это будет не образец. Это будет трофей.

Кровь она сольёт во флакон, который спрячет в пластиковую бутылку из-под шампуня.

Настоящий шампунь она выльет, вымоет бутылку, высушит, зальёт антисептиком, капнет

туда ароматическое масло, поместит флакон с кровью и закрутит крышку. На рентгене —

просто жидкость. Ни одна собака не отличит.

Ногти — в косметичку, косметичку — в отделение для прокладок. Женщин не обыскивают

так тщательно, как мужчин. А стюардесс — почти никогда. Ирина знала это по

собственному опыту: за пять лет работы её багаж досматривали трижды, и каждый раз

поверхностно.

«Улыбнись — и ты невидима», — подумала она, раскладывая элеватор рядом с пинцетом.

Завтра в десять утра Ася пойдёт на мастер-класс. В двенадцать выйдет. В двенадцать

пятнадцать войдёт в парк Йылдыз, потому что это короткий путь до дома тёти. В парке есть

старая беседка, которую не видно с дороги. Ирина прове-

рила сегодня утром.

Ася не крикнет. Такие, как она — балерины, дисциплинированные, воспитанные — они

сначала замирают. А потом смотрят широко открытыми глазами, пока сердце бьётся как

бешеное. В этот момент кровь становится тёмной, почти чёрной. И ногти розовеют от

прилива.

Ирина закрыла косметичку и села на край кровати.

Она не чувствовала ни возбуждения, ни страха. Только спокойную, холодную решимость,

похожую на ту, с которой хирург входит в операционную.

Она знала: завтра вечером в её

коллекции появится новый экспонат.

А сейчас — время позвонить дочери.

2.

Алису она удочерила четыре года назад.

В детдоме под Рязанью, куда Ирина приехала почти случайно. Подруга по колледжу

работала там психологом и однажды в разговоре обмолвилась: «У нас тут девочка, восемь

лет, её никто не берёт. Слишком взрослая, говорят. Слишком странная».

Ирина тогда не планировала становиться матерью. Мужчины её не интересовали никогда

— ни в школе, ни в колледже, ни после. Не потому, что

она была фригидной или
травмированной. Просто Ирина не видела в них смысла.
Отношения требуют времени,
внимания, уязвимости. А всё это она тратила на другое.
Детей она тоже не хотела. Беременность казалась ей гру-
бой, животной, почти
оскорбительной. Она не могла представить, как её тело —
такое точное, управляемое,
красивое — раздувается и подчиняется биологии. Это бы-
ло бы предательством.

Но удочерение — другое. Там нет тела. Есть выбор.

В тот день в детдоме было холодно. Ирина сидела в каби-
нете директора, листала дела,
чувствуя, как внутри нарастает раздражение. Все дети бы-
ли похожи друг на друга —
испуганные, жалкие, с мольбой в глазах. Ей хотелось уйти.
Потом зашла Алиса.

Девочка не смотрела на Ирину. Она смотрела в окно, где
падал снег, и держала в руках
книгу про пауков. Ей было восемь, но выглядела она на
двенадцать — худая, с тёмными
кудрями и огромными серыми глазами, которые ничего
не выражали.

— Алиса, поздоровайся, — сказала директор.

— Здравствуйте, — голос был плоским, как у взрослого,
который устал от разочарований.

Ирина вдруг поняла, что видит себя. Не себя-ребёнка — себя-теперешнюю. Таковую же закрытую, таковую же непроницаемую. Девочка не просила её взять. Девочка была готова к отказу. И это сломало что-то в Ирине — там, где она считала себя неуязвимой.

— Что ты читаешь? — спросила Ирина.

— Про тарантулов. Они съедают самца после спаривания. Это полезно для популяции.

Директор поморщилась. Ирина улыбнулась впервые за день.

— Самец знает, что его съедят?

— Наверное, нет. Иначе зачем бы он соглашался.

Ирина взяла девочку.

Не потому, что жалела. Не потому, что хотела «дать шанс». А потому, что Алиса была единственным человеком, который не пытался ей понравиться. Ирина уважала это.

Оформление заняло три месяца. Ирина приезжала в детдом каждую субботу, привозила книги, гуляла с Алисой по территории, молчала рядом. Они почти не разговаривали — и обеим это нравилось. Потом был суд, бумаги, подписи.

В день, когда Алиса впервые переступила порог поместья, она остановилась в дверях, оглядела гостиную с камином, старые портреты на стенах,

рояль, на котором никто не

играл, и сказала:

— Здесь пахнет, как в анатомичке.

— Твой дед был хирургом, — ответила Ирина. — Это запах формалина. Привыкнешь.

Алиса кивнула и пошла выбирать комнату. Она выбрала самую дальнюю, с окном в сад, и

попросила покрасить стены в тёмно-синий.

Ирина согласилась.

С тех пор они жили вдвоём. Без мужа, без няни (кроме Лиза, которая приходила на пять

часов), без родственников. Ирина растила Алису не так, как другие матери — она не

тискала, не целовала в лоб каждые пять минут, не спрашивала «как дела в школе». Но она

помнила, какую книгу Алиса хотела на день рождения. Она каждый вечер сидела с ней за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.